

Н.Н. Кормишина

Новосибирский государственный педагогический университет

Некоторые аспекты метапоэтики В.Г. Бенедиктова

Аннотация: Проблемы метапоэтики Бенедиктова рассматриваются в статье с точки зрения «вертикального» прочтения его текстов, а именно – экспликации метатекстовой ленты и специфики использования образных средств. Опыт «вертикального» прочтения стихотворений, посвященных теме поэтического творчества, позволяет уточнить и пояснить данные, полученные при «горизонтальном» прочтении текста.

The problems of Benediktov's metapoetics is analysed from the viewpoint of "vertical" reading of his texts. Special attention is paid to explication of metatextual line and peculiarities of usage of expressive means. The research analysis of "vertical" reading of poems devoted to the poetic creation allows to make conclusion that metatextual line opens up new sides of sense and commenting on the facts got from "horizontal" reading of the text.

Ключевые слова: метапоэтика, метатекстовая лента, образные средства, «вертикальное» прочтение.

Metapoetic, metatextual line, expressive means, "vertical" reading.

УДК: 882. 09.

Контактная информация: Новосибирская область, г. Куйбышев, ул. Молодежная, 7. Филиал НГПУ, филологический факультет. Тел. (38362) 51693. E-mail: kfgpu@kfgpu.ru.

В любом художественном произведении присутствуют знаки, указывающие на отношение писателя или поэта к своему творению. Создавая произведение, автор постоянно рефлексировал по поводу процесса творчества. При этом авторский код в большинстве случаев обнаруживает себя в метаязыке поэтического текста и выявляется в процессе его анализа, предполагающего многовекторное прочтение произведения – как «горизонтальное», так и «вертикальное». Второй из названных векторов очень важен, поскольку он позволяет эксплицировать «некоторые маргиналии – оговорки, умолчания, семантические жесты, касающиеся творчества, языка, поэтики» [Штайн, 2002, с. 604]. Кроме того, при таком подходе обнаруживается система имплицитных метатекстовых данных, которая представлена «сетями информации о творчестве, гармонически скрепленными в единый метапоэтический текст (ткань в общей ткани текста)» [Там же, с. 606]. Эта система включает в себя метатекстовые ленты, комплекс тропов и фигур, эмблемы, символы, интертекстуальные и модусные показатели, т.е. различные ориентиры, позволяющие выявить элементы авторского кода.

Метапоэтические воззрения Бенедиктова сформировались в период, когда нормы и принципы высокой поэзии первых десятилетий XIX потеряли свою первоначальную остроту по причине их массового тиражирования. В процессе борьбы с «гладкими» поэтами, к числу которых, по мнению отдельных критиков, относился и А.С. Пушкин [Полевой, 1838, с. 94], был обозначен приоритет «поэзии мысли». «Требование мысли возникает с разных сторон. Его выдвигают и роман-

тики декабристской традиции, и “любомудры”, и юный Белинский и его друзья, и даже представители низового, вульгарного романтизма <...>», — пишет Л.Я. Гинзбург [Гинзбург, 1974, с. 52].

Для определения специфики метапоэтики Бенедиктова обратимся к таким его произведениям, как «Обновление», «Певец», «Разоблачение» и другим.

Одним из наиболее продуктивных подходов к анализу метапоэтики Бенедиктова является, как мы уже говорили со ссылкой на работу К.Э. Штайн, исследование так называемой метатекстовой ленты, то есть обращение к «вертикальному прочтению» текста.

Метатекстовая лента стихотворения «Обновление» (1836) [Бенедиктов, 1983, с. 113–114] представляет собой следующий вербальный ряд: *рай мечтаний, грусть, очарование, разволнуй, Купидон, Анакреон, рифм серебро, напев, блестящие души, спою, песня, мрак разлуки, звуки, молчанья гений, лампада, святыня любви, молебны, серафим, сила слов, воспою, море звуков*.

Слова, составляющие данную метатекстовую ленту, тематически можно разделить на две группы. С одной стороны, те, что имеют отношение к творческому процессу: *Анакреон, рифм серебро, напев, звуки, молчанья гений, сила слов, море звуков*. Эти формулы представляют широкий контекст связей метапоэтики Бенедиктова с другими метапоэтическими традициями. Так, упоминание Анакреона отсылает к традициям поэзии в Древней Греции через посредство русской поэзии XVIII – начала XIX века. В интересующем нас стихотворении Бенедиктова они звучат достаточно определенно («Муза, дай мне поцелуй! / Грудь разнежь и разволнуй! / И из крыльев Купидона / Подари певцу перо...»).

Другие формулы этого ряда – *спою, песня, воспою* – отсылают нас к традициям одического стиля.

Наиболее интересной, на наш взгляд, является поэтическая формула «сила слов»: «Повергаюсь онемелый / Пред богинею стихов, – / Да пошлет мне силу слов / На возвышенное дело!». За десять лет до создания этого стихотворения Бенедиктовым А.С. Пушкин написал своего «Пророка», обозначив в нем идею божественного дара поэзии. Претерпевший перерождение поэт, призывается высшими силами «глаголом жечь сердца людей». Пушкин тем самым устанавливал безраздельную власть и силу Слова, идя от библейских истоков отношения к «глаголу». Еще раз мы встречаемся с «божественным глаголом» у Пушкина в стихотворении «Поэт» («Пока не требует поэта...»), в котором Слово есть символ духовного преображения. В тексте Бенедиктова вместо «Бога» – «богиня стихов», Муза, но предельно материализованная, приближенная к земной женщине, в результате чего выделенная нами сильная формула начинает сопрягаться не столько с темой творчества, сколько с темой любви, причем, по-бенедиктовски, чувственно выраженной.

Разность в отношении поэтов к Слову проявляется и на уровне формы. Так, Пушкин употребляет церковнославянский вариант – «глагол» («Глаголом жги сердца людей», «Но лишь божественный глагол...»), в единственном числе, что усиливает возвышенное звучание создаваемого образа. Бенедиктов же обращается к множественному числу существительного – «Да пошлет мне силу слов...», что придает образу Слова оттенок легковесности.

Бенедиктов активно использует существующие образы большой поэзии, резко модифицируя их. Возможно, порой это происходит бессознательно, но, с другой стороны, нельзя не учитывать и вполне осознанное стремление Бенедиктова к всякого рода «украшательствам» – лексическим, ритмическим, фонетическим. Обращение к образам высокой поэзии может быть явлением того же порядка: Бенедиктов стремится «украсить» ими свои произведения, не задумываясь о контексте, в котором они оказываются. Отсюда «незапланированный» комизм многих его произведений.

В стихотворении «Певец» (1837) [Бенедиктов, 1983, с. 147] метатекстовая лента представлена такими вербальными знаками: *певец, думы, безумец, печали, муки, звуки, плачет, громы струн, молчанье, тайна, напев, буря, борьба*. Здесь уже не звучат анакреонтические мотивы, лирический герой далек от наслаждений. Перед нами – одинокий «певец» над бездной «жизненного моря», он имеет набор характеризующих признаков, общих для большинства героев романтической лирики – безумец, страдалец. Его назначение заключается в противостоянии миру. Название стихотворения указывает на уже сложившийся в русской поэзии образно-мотивный ряд. Стихотворения с тем же названием, выдержанные в стилистике раннего русского романтизма, есть у Жуковского (1811) и Пушкина (1816). Многие в «Певце» Бенедиктова, как нам кажется, обнаруживает его ориентацию на предшественников: поэт – «певец любви, певец своей печали», он одинок и так же разочарован в жизни, а потому ищет людского участия и сопереживания, как и поэт Жуковского. Однако финал стихотворения Бенедиктова указывает на резкое отличие его от Жуковского и Пушкина, ибо бенедиктовский певец не замкнут в границах меланхолии, а готов к борьбе, и его лира способна исторгнуть «бурю». Поэтика сильных ощущений, несомненно, доминирует в творчестве Бенедиктова.

В этом стихотворении мы можем выделить те же две группы поэтических формул в общей метатекстовой ленте, что и в предыдущем. Первая связана с темой творчества: *певец, думы, звуки, громы струн, молчанье, тайна, напев*. Если сравнивать эти формулы с формулами уже рассмотренного стихотворения, мы увидим, что многое здесь совпадает, иногда дословно: «напев», «певец» – «воспою», «море звуков» – «звуки». Но более значимы в данном случае не совпадения, а отличия.

Первое и второе стихотворение разделяет всего один год, но разница в озвучивании темы поэзии велика. Стихотворение «Певец» в сюжетном отношении развертывается совершенно иначе, чем стихотворение «Обновление». В начале его упоминаются «напев» и «звуки», которые могли бы быть соотнесены с «морем звуков» «Обновления», если бы не были связаны с иным контекстом. В «Певце» «звуки» явились формой выражения «печалей» и «мук», пережитых поэтом, но затем они превращаются в «громы со струн», и, в конце концов «молчанье смыкает уста», чтобы потом обернуться «бурей».

Можно было бы утверждать, что в более позднем стихотворении – «Певец» – Бенедиктов окончательно сформулировал собственные принципы поэтического творчества, если бы не произведение, появившееся спустя еще один год – «Пиши поэт! Слагай для милой девы...» (1838).

Это стихотворение можно назвать манифестом Бенедиктова периода успеха у читателей. Метатекстовую ленту его образуют следующие образные формулы: *симфонии сердечные, гремящие напевы, неслыханные звуки, неведомый язык, бурный стих, работник вдохновенный, ремесленник*.

Поэтическое творчество теперь становится «работой», и поэта автор определяет в разряд ремесленников, а не гениев, каким был Пушкин. По замечанию Г. Кружкова [Кружков, 2001, с. 309], в русской критике сложилось такое восприятие двух поэтов, которое и расставило их по полюсам соотнесенности: Пушкин – Моцарт, Бенедиктов – Сальери. Причем именно Бенедиктова сочли главой анти-пушкинского движения, сложившегося в 30-е годы, хотя сам поэт никогда не декларировал себя даже сторонником этого движения.

Многое в стихотворении «Пиши поэт! Слагай для милой девы...» указывает на специфические черты бенедиктовской поэтики, и особенно заключительные строки первой строфы:

Изобретай неслыханные звуки,
Выдумывай неведомый язык!
[Бенедиктов, 1983, с. 173]

Бенедиктов вызывал неоднозначное отношение у читателей и критиков к своим произведениям увлеченностью словотворчеством и пристрастием к внешним эффектам. Такое видение поэзии поддерживают формулы «гремучие напевы», «язык сердечного безумья», «бурный стих».

Вновь расточать бесплатные мечты!
Или опять красавице надменной
Ковать венец...
[Бенедиктов, 1983, с. 173]

Слово «ковать» дополняет ряд, относящийся к теме «работы» и противопоставит представлению о вдохновении, отсылающему к классическим образцам русской лирики первой трети XIX века.

Итак, в метапоэтике Бенедиктова наглядно проявляется система непрерывных видоизменений. Поэт постоянно уточняет свою позицию, и часто эти уточнения находятся друг с другом в отношениях взаимоопровержения, характеризуются реализацией принципа соединения несоединимого, порождающего некий «третий» смысл, о котором поэт зачастую мог и не подозревать. Бенедиктов, по мнению Ю.Н. Тынянова, отразил в своем творчестве «движение поэтики в сторону демократизации стиля, к нагруженности деталями, к большей броскости, «шумности»» [Тынянов, 1929, с. 383]. С одной стороны, такая неразборчивость в выборе средств поэтической выразительности не позволила Бенедиктову занять истинно значимое место в русской поэзии, обусловив краткость его популярности у читателей и быстрое охлаждение к нему крупных художников. С другой стороны, исторически это был продуктивный процесс, так как при всех недостатках и погрешностях против вкуса, против эстетико-поэтических принципов «высокого» романтизма, творчество Бенедиктова, на наш взгляд, в определенной мере оказало влияние на поэтические опыты русских авторов XIX – начала XX веков. Как отмечал Ю.Н. Тынянов в своей статье «Пушкин и Тютчев», поэзия 30-х годов «ушла не вперед и не назад, а вкось: к сложным образованиям Лермонтова, Тютчева, Бенедиктова» [Тынянов, 1969, с. 215].

Литература

- Бенедиктов В.Г. Стихотворения. Л., 1983.
Гинзбург Л.Я. О лирике. Л., 1974.
Кружков Г. Ностальгия обелисков. Литературные мечтания. М., 2001.
Полевой Н.А. Библиотека для чтения. 1838. Т. XXVI.
Штайн К.Э. Метапоэтика: «размытая парадигма» // Три века русской метапоэтики: легитимация дискурса. Ставрополь, 2002.
Тынянов Ю.Н. Архаисты и новаторы. Л., 1929.
Тынянов Ю.Н. Пушкин и Тютчев // Пушкин и его современники. М., 1969.